

Статья посвящена проблеме отношений между исторической и географической укорененностью архитектуры, с одной стороны, и ее все более бескорневым характером в современности, с другой. Размышление о корнях архитектуры и отрыве от них развивает актуальный мета-дискурс укорененного и неукорененного в культуре.

Ключевые слова: укорененность; традиция; память; вертикаль; рост; мобильность; сеть; горизонтальные связи; глобализм. /

The article is focused on the problem of interrelations between the historical and the geographical rootedness of architecture on the one hand, and, on the other hand, its currently growing unrootedness. The author's reflections on the roots of architecture and how it is breaking away from those roots evolve into a relevant metadiscourse about the rooted and the unrooted in culture.

Keywords: rootedness; tradition; memory; vertical; growth; mobility; network; horizontal links; globalism.

Архитектура – с корнями и без корней /

текст и фото
Леонид Салмин /
text and photos
Leonid Salmin

Разговор об укорененности и неукорененности применительно к культуре в целом и к архитектуре в особенности вольно или невольно обращает нас к земле, к аграрной архаике культурного сознания и понуждает представлять культуру, ее явления и артефакты в исключительно ботанических образах отношений надземного и подземного. Мы ощущаем тему культуры как тему связи живого тела растения и его корней, то есть того, что уходит вглубь почвы, определяя устойчивость надземной, видимой части целого, обеспечивая трансфер питательных форм и смыслов из скрытых временных и бессознательных глубин в зримое, актуально ощущаемое на-стоящее.

В зеркале растительной метафоры укорененность архитектуры может быть увидена и понята многопланово. Речь, прежде всего, о физике архитектуры: тут и вопросы архитектурного строения, связанные с планетарной гравитацией и свойствами земной поверхности, тут и факторы конкретной геологии места, определяющие потенциальные ограничения для строительства, тут и особенности используемых для возведения того или иного архитектурного сооружения материалов, «сопромат», работа конструкций, инженерные возможности и многое другое. Одновременно укорененность архитектуры может пониматься и как проявление общей темпоральности культуры и цивилизации, как фактор временной направленности человеческого существования, как мера историчности архитектурных явлений, продуктов и языков. Наряду с этим важно понимание укорененности и как географической конкретности, привязки к месту, особенности пространственной и ландшафтной локации – всего того, что позволяет мыслить архитектуру как тектоническую и пластическую традицию в границах определенной территории.

Корни архитектуры всегда ниже поверхности земли и глубже уровня актуальной памяти. Это фундаменты и подвалы, катакомбы и крипты, шахты и подземелья. Это все то, что в контексте ментально-символического космоса принадлежит «нижнему миру», области невидимого и несет в себе, с одной стороны, семантику недр, могилы, преисподней, «underworld», а с другой стороны, значения тверди, опоры, прочного основания, камня как геологического субстрата растущей снизу вверх архитектурной

^ Венеция. Архитектура и дизайн на воде. Встреча двух сюжетов разрыва с корнями

> Дубровник. Капитель позднесредневековой колонны – один из самых устойчивых архитектурных образов, полных ботанических мотивов роста

телесности. В то же время, это глубинные, стершиеся воспоминания, спрессованные пласты коллективной и родовой памяти, это подсознательные образы, символы и мотивы, отягощающие архитектуру нефизической силой ментальной гравитации.

Рассматривание архитектуры сквозь оптику агрокультурной призмы позволяет увидеть разнообразие её корневых систем и дать более широкое смысловое развитие дискурсу отношений укоренённого и бескорневого в культуре.

1. Вершки и корешки

В известной русской народной сказке мужик испортил отношения с медведем, дважды обманув доверчивого зверя. Сначала он вовлек медведя в совместный аграрный проект по выращиванию репы, по завершению которого мошеннически завладел урожаем питательных корнеплодов, отдав медведю бесполезную ботву.

Затем мужик предложил медведю вырастить пшеницу, но на этот раз, спекулируя негативным опытом первой попытки сотрудничества, отдал косолапому не «вершки», а «корешки».

Смысл этой очевидно плутовской фольклорной истории, тем не менее, весьма дидактичен применительно к архитектуре. Из сюжета мы понимаем, что «вершки» и «корешки» – это образная модель, в рамках которой обнаруживается превосходство знания над незнанием, невидимого над видимым, главного над второстепенным, реального над иллюзорным. Укорененное и неукорененное, «вершки» и «корешки» в архитектуре соотносятся как две разных культурных парадигмы, как два противоположных опыта понимания самой сущности архитектурного творения. При этом дело осложняется тем, что «вершки» и «корешки» подвержены ситуативной (или манипулятивной, как в вышеозначенной сказке) инверсии, и порой невозможно достичь устойчивого различения значений укорененного и бескорневого.

Architecture, Rooted and Unrooted

< Дубровник. Архитектура старого города как органически произрастающее, укорененное тело ландшафта

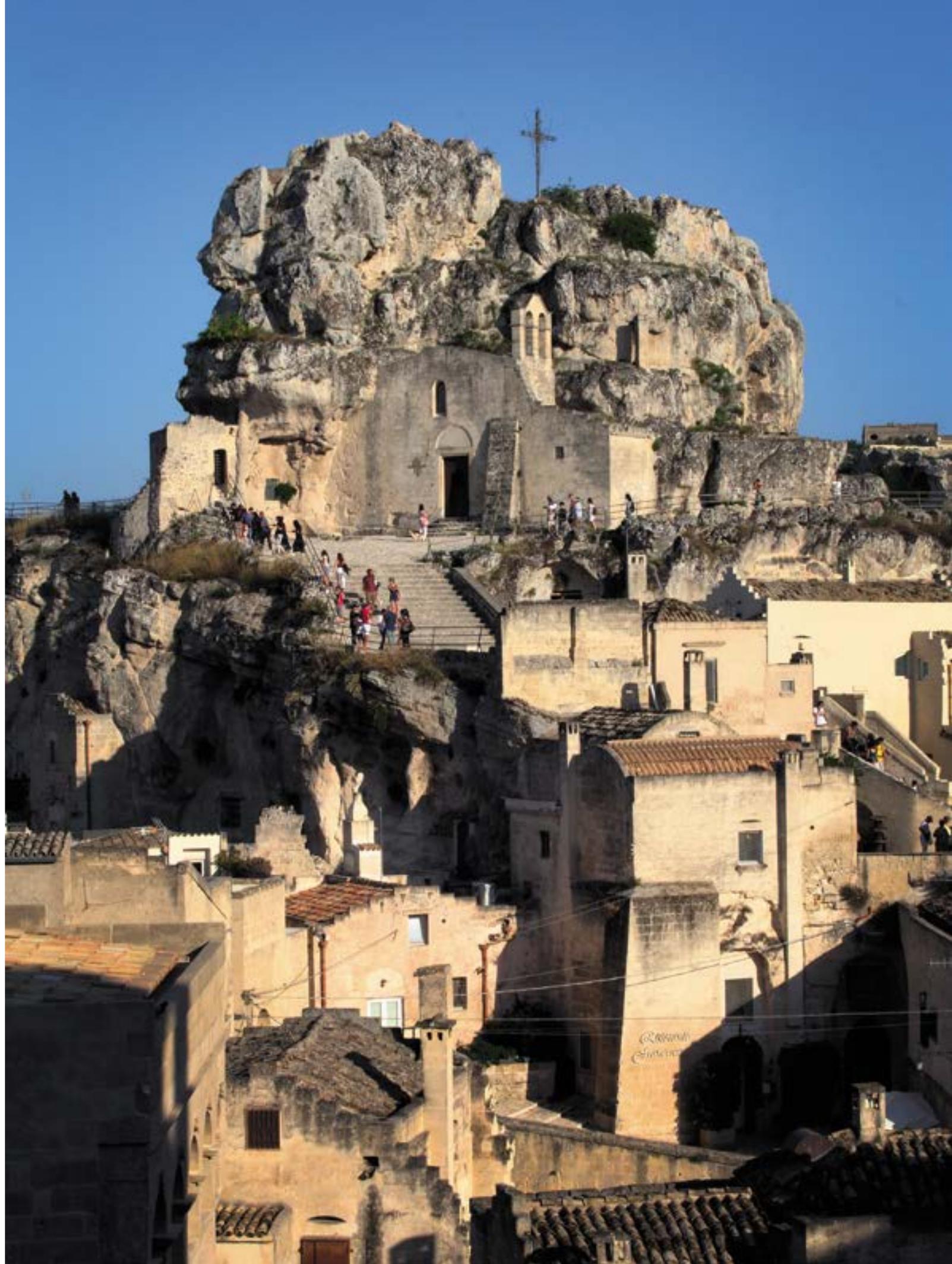

< Матера. Образец наиболее укорененной формы архитектуры, возникающей на основе естественных пещерных пространств

> Матера. Пещерный храм – пример ландшафтной укорененности культовой архитектуры

Пытаясь наметить возможно более широкие основания для развития дискурса укорененности – неукорененности архитектуры и используя для этого ботаническую (а по сути – натурфилософскую) метафору растения и роста, мы вроде бы неизбежно сдвигаемся от метафизики корня к диалектике корней и ветвей, к сложным и многообразным отношениям подземного, скрытого, причинного, с одной стороны, и надземного, видимого, следственного, с другой. Говоря об укорененности архитектуры, мы имеем в виду развернутый во времени процесс, включая и ее погруженность в почву истории и места, и наращивание ею объема символических содержаний, и накопление опыта повседневных жизненных практик, связанных с ее пространствами как выше, так и ниже уровня земли. Такое процессуальное понимание корневых истоков и оснований архитектуры актуализует еще одну, быть может, более важную ботаническую оппозицию – «семена и плоды». Сколько бы мы ни пытались размышлять об укорененности как условии преемственного воспроизводства архитектурного процесса, подлинная программа причинности архитектуры, ее генетический импульс все же не описываются метафорой корневища. Возможно, более точна метафора зерна – семени, генерирующего корень лишь при попадании в питательную среду, в почву. Зерно начинает разворачивать рост, попав на границу подземного и надземного миров. И это движение начинается одновременно в двух противоположных направлениях из точки настоящего («на-стоящего») – как в пространственно-тектоническом, так и в темпоральном смысле. Произрастающая из зерна настоящего, архитектура движется одновременно в пространстве (вверх и вглубь) и во времени (в прошлое и в будущее).

Метафора «семени и плода» обнаруживает ту существенную противоположность символического и прагматического, которая становится предметом сиюминутных плутовских манипуляций, когда речь идет о значении «вершков» и «корешков». В реалиях настоящего времени позиция сказочного мужика – это позиция девелопера или застройщика, заказывающих архитектуру создания того или иного сооружения. Руководимый интереса-

v > ААльберобелло. Уникальный образец предельно эндемичной архитектуры, сформировавшей целый город

ми своего бизнеса и своей выгоды, оспособленный ботаническими познаниями «мужик», представляет несведущему «медведю» (потребителю, покупателю) «вершки» или «корешки» (либо, по ситуации, то и другое) в качестве потенциальных «плодов». Взаимный прагматизм позиций «мужика» и «медведя», обеспеченный инвестируемым в него творческим капиталом архитектора, оборачивается в ландшафтах современных городов соединением огромного количества бесплодных «корней» и бесполезной квазиархитектурной ботвы. Зерно архитектурного замысла перестало быть предметом профессиональных размышлений или общественных дискуссий. Отсюда и ошибки в оценке «плодородности» того или иного архитектурного проекта. Мысля в категориях практической оптимизации вложений в «вершки» и «корешки», перестав думать о символизме верха и низа, о смыслах вертикали и роста, архитекторы уже и сами разучились отличать требующее любви и ухода «плодородное растение» от агрессивного, экспансивного «со-

рняка», самовольно пожирающего дефицитные ресурсы городского пространства.

В XXI веке мы живем в мире, где сила земного тяготения уже не в той мере определяет отношения корневого и надземного в архитектуре, в какой определяла их еще несколько столетий тому назад. Нет, законы физики и факторы гравитации не изменились, но сильно изменились технологии и материалы, конструктивные и инженерные возможности архитектуры. А главное – изменились ментальные представления об отношениях Земли и Неба как о генетическом истоке архитектуры. Земля как твердь и опора сегодня уже не столь привлекательна для архитектора, как это было хотя бы тысячеletием ранее.

Архитектура египетских пирамид, при всем зримом гигантизме возвышающихся над землей каменных тел, выглядит как проклюнувшиеся ростки, как вырвавшиеся наружу порождения дремлющих, скрытых от глаза необъятных корневищ. Наклонные линии граней и ребер

уводят наше восприятие и воображение далеко вглубь, за пределы земной поверхности, за границы настоящего времени и указывают на то, что невидимые корни (реальные или лишь мыслимые – неважно) неизмеримо преобладают над видимыми надземными объемами. Ступенчатые стереобаты греческих античных храмов, хотя и чуть менее жестко, тоже пластически оформляют значение невидимых, фундаментальных, корневых оснований архитектуры. Вся историческая архитектура Рима, предварительно вобравшая в себя руины этрусской цивилизации, демонстрирует преемственное произрастание ее тел из корневых, исполняющих роль фундамента останков предшествующих сооружений. На протяжении многих веков «архитектура земли» безальтернативно заявляла себя в почти геологических формах пещерных пустот и опорных монолитов, в языке стоечно-балочной системы с ее колоннами, стенами и горизонтальными перекрытиями. Земля была исторической почвой архитектуры. Она одновременно выступала и кладбищем для старой, и опорой для новой архитектуры, фиксируя этим свое родовое, материнское значение для нее.

Вероятно, лишь возникновение криволинейных, купольных перекрытий, начиная с римского Пантеона, стало пророческим предчувствием грядущей «архитектуры неба». Впрочем, лишь предчувствием: ни купол Пантеона, ни, спустя тысячелетие, детище гениального Брунеллески – купол собора Санта Мария дель Фьоре – не перечеркнули значения земли и не нарушили корневых связей с местом и временем. Не оторвались от «корешков» и последующие великие архитектурные «вершки» – ни купол римского Собора Святого Петра, ни купол лондонского Собора Святого Павла. Как для неистового Микеланджело Буонарроти, так и для рассудительного Кристофера Рена прочная опора, укорененность их творений имели огромное значение. И даже сегодня прозрачный, зрительно невесомый, полный кристального символизма и космополитизма купол берлинского Рейхстага, заново созданный Норманом Фостером, неотрывен от корневых глубин истории и места.

Еще более напряженные и драматичные, чем в случае куполов, отношения верха и низа мы обнаружим в архитектурной истории башен. Тут буквальная, физи-

ческая укорененность архитектурного тела особенно остро выступает условием его устойчивости, гарантией искомой вертикали. Башня подобна высокому дереву, чья корневая система крайне ограничена в возможности развития по горизонтали, что компенсируется ростом корня вглубь. Для башни такое соотношение вертикали и горизонтали всегда становится фактором риска возможного отклонения. Эта угроза потери вертикальности делает башню, быть может, самым драматическим типом архитектурного сооружения. Башня всегда таит в себе (а нередко и обнаруживает внешне) возможность падения, возможность потери корневой связи с местом. Известные «склоняющиеся» или «падающие» башни – от популярной Пизанской колокольни и нескольких менее «раскрученных» венецианских до скрещенных грандиозным иксом болонских Азинелли и Гаризенды – всегда полны предощущения движения, сдвига, преодоления тягостной привязки к месту. Горизонтальный вектор, несущий угрозу устойчивости, укорененности башни, становится концептом бескорневой архитектуры. И если, к примеру, Невьянская Башня в своем склонении все же пытается удержать примат вертикали и статики, то придуманная три века спустя Владимиром Татлиным Башня Третьего Интернационала программно порывает с землей, устремляясь не только вверх, но и вперед.

2. Перекасти-поле

Известное степное растение перекасти-поле – яркая ботаническая метафора отрыва от корней. Когда семена этого круглого кустика созревают, растение отрывается от корней и, гонимое ветром, перемещается на огромные расстояния. Оно катится, как колесо странствующей повозки, пересекая пространство и роняя свои семена в почву новых территорий.

Стремление архитектуры к мобильности, к отрыву от корней, к географической и пространственной экспансии – история, отнюдь не вчера возникшая. Вопрос в том, как тяга архитектуры к путешествиям, к преодолению границ своей исходной укорененности меняет ее собственную суть? Во что превращает архитектуру ее отрыв от земли и места? Если архитектура начинает следовать человеческому стремлению к движению, если вслед

> Ассизи. Башенная вертикаль подобна стволу, определяющему отношения верха и низа, земли и неба

за человеком она готова поменять оседлость на мобильность, то остается ли она при этом архитектурой или переходит в разряд очень медленных (а порой и не очень медленных) средств транспорта?

Быть может, расставшаяся со своими корнями, сорвавшаяся с места архитектура перерождается в дизайн? Возможно, размышляя об архитектуре «перекатипольного» типа, следовало бы включить в пределы анализа не только порывающие с местом порождения «интернационального стиля» и современного глобализма, не только футуристические опусы архитектурной мысли, вошедшие в хрестоматию под термином «мобильная архитектура», но и ряд средств транспорта – к примеру, от карет эпохи французского абсолютизма, этих дворцов на колесах, до оснащенных всем необходимым для быта современных трейлеров.

Думается, огромная роль в отрыве архитектуры от земли принадлежит эпохе Великих географических открытий, когда экспансивные территориальные устремления и переход от ценности земли к ценности воды, от здания к кораблю обернулся во всех искусствах и, в первую очередь, в архитектуре, художественной идеологией и эстетикой барокко. Как в дизайне кораблей, так и в архитектуре зданий барокко оттеснило землю, давая волю воде в качестве перманентно изменчивой почвы, вечно волнующегося основания, глобальной архитектурной альтернативы. Возможно, в целом архитектура барокко еще не есть торжество бескорневой культуры; возможно, она еще довольно сильно укоренена, но в сравнении с предшествующими эпохами это уже своего рода архитектурная гидропоника. Все же укорененность в воде, пусть даже не физическая, а эстетическая, не только не отрицает, но предполагает движение или, по меньшей мере, подвижность.

Кустик перекати-поля отрывается от корней, когда его семена созрели, чтобы быть внедренными в почву новых мест. Вызревшие семена архитектуры Старого Света перекатились на гонимых ветром кораблях парусных флотилий через Атлантику и дали всходы на новых землях. Похоже, именно с этих пор архитектура становится предметом экспорта. Речь не столько о физическом экспорте архитектурных артефактов (такая практика

тоже имела место вплоть до самого последнего времени), сколько о распространении на удаленные земли, страны и территории архитектурных идей, стилей и языков. И тут важным фактором становится формирование проектной культуры с ее технической и методической документацией, универсальными и типовыми конструктивными и формальными решениями – всем тем, что может быть материалом транстерриториальной трансляции и в конечном итоге неизбежно приводит к идее тиражного архитектурного продукта. Отрыв архитектуры от корней неумолимо происходит по мере превращения архитектурного творчества в проектирование, а самой архитектуры в индустрию.

Семена растения отрицают принадлежность к исходному корню и обязательность воспроизводства растительного тела на том же самом месте. Семена – удобные для транспортировки клоны, которые можно специально перевозить в другие края с целью засеять определенной культурой новые территории. Но есть и естественный процесс распространения, как у перекати-поля, когда главное – отрыв от корня и ветер, способный без проектных замыслов и экономических прогнозов гнать колесом сквозь пространство очередную партию созревшего семенного материала.

И тут нельзя не провести вновь аналогии между распространением бескорневой, клонированной архитектуры и разрастанием сорняков, которое может происходить как по естественным, так и по техногенным причинам. Яркий ботанический пример техногенной экспансии сорняка – распространение борщевика, опасного ядовитого растения, способного поражать кожу человека фотохимическими ожогами. Борщевик был целенаправленно вывезен из районов эндемического произрастания с целью превращения его в эффективную кормовую культуру. Однако, ввиду непригодности растения, агропроект не состоялся, а вырвавшийся из-под контроля всего за пару десятилетий борщевик продолжил свое агрессивное шествие по незащищенным ландшафтам.

Утрата архитектурой эндемичности запускает процесс усиления мобильности архитектуры, в конце концов – ее транстерриториальную и трансконтинентальную экспансию.

Такая географическая экспансия архитектуры возможна при условии, что и сами архитекторы обретают мобильность и перемещаются туда, где есть заказ, где есть спрос на их знания, умения и квалификацию. В современном мире тотально доступных информационных коммуникаций и развитого транспортного сообщения мобильность архитектора, его работа в самых разных местах, в условиях самых разных ландшафтно-территориальных и национально-культурных контекстов – уже давно обыденность профессиональной культуры. Впрочем, сегодня осуществлять свои проекты архитектор может где угодно, даже не выходя из своего кабинета. Однако еще пятьсот лет назад экспорт архитектуры предполагал буквальную профессиональную миграцию, зачастую на огромные расстояния и на длительное время, а нередко и навсегда.

Любопытный пример такого рода – судьба выдающегося уроженца Болоньи Ридольфо Аристотеля Фиораванти – архитектора, строителя, фортификатора, прославив-

шегося в Италии рядом необычайно смелых инженерных проектов, но завершившего свою профессиональную карьеру в России, на службе у Ивана III, строительством Успенского собора Московского Кремля и участием в качестве военного инженера и начальника артиллерии в военных походах на Новгород, Казань и Тверь. В контексте разговора о преодолении укорененности архитектуры любопытны некоторые факты профессиональной биографии Фиораванти. В частности, ему принадлежит первый документально зафиксированный опыт перемещения здания. В 1455 году по его проекту всего за несколько дней 24-метровая колокольня делла Маджоне в Болонье была передвинута на 13 метров. Фиораванти доказал, что физическая укорененность архитектурного сооружения – не догма, и даже такой символ точного прямостояния, как башня, может быть передвинут по поверхности земли на новое место. Интерес Фиораванти к инженерным решениям, позволяющим приводить архитектуру в движение (с целью перемещения сооруже-

в Ассизи. Горизонтальные связи в архитектуре старого города, словно его вегетативное тело

ния или, напротив, исправления динамических смещений, возникших в результате ошибок строительства), повел его дальше. В том же году он успешно выпрямил колокольню Сан-Бьяджо в Ченто. Затем он исправил наклон башни при церкви Сан-Микеле Арканджело в Венеции. Но тут его ждала неудача: из-за слабости грунта (что вполне закономерно в городе, стоящем на воде) башня вскоре рухнула прямою на соседний монастырь Сан-Стефано. Погибли люди. Разразился скандал, вынудивший Фиораванти бежать из Венеции.

Как показывают дальнейшие события его биографии, история великого болонца – это весьма симптоматичная для кватроченто история разрыва с местом, с оседлостью, с родовыми корнями, это история затяжной миграции, история возникновения фигуры странствующего архитектора (впрочем, точнее было бы сказать – архитектора-беженца). Уже шестидесятилетним Фиораванти переезжает в Московское княжество в качестве приглашенного специалиста. Но это лишь продолжает сюжет всей его предшествующей жизни – сюжет вынужденного отрыва от корня, перемещения, бегства, эмиграции. Судьба Фиораванти, вынужденного предпочесть привычной оседлости неуют и лишения кочевья и всю жизнь гонимого обстоятельствами дальше и дальше, словно бы заключена в его имени, которое означает «цветок, гонимый ветром». Пожалуй, именно с Фиораванти можно начать отсчет эпохи архитекторов-перекати-поле, многие из которых не просто возвели сооружения по своим проектам в чужих городах, но во многом определили исторический облик этих городов.

В последующие века фигура «архитектора-гастарбайтера» утвердилась в европейском культурном ландшафте уже в более осмысленном и целенаправленном качестве. В петровской и постпетровской России приезжий архитектор-иностранец становился инструментом стилистических реформ, выступая транслятором языка европейской архитектуры (итальянской, французской, голландской или немецкой) и обеспечивая ее укоренение в новой культурной и географической почве. Простой перебор имен зодчих, оставивших свой след в архитектуре Санкт-Петербурга, – свидетельство того, какой размах приобрел трансфер профессиональных ресурсов в XVIII веке. «Век просвещения» принес новое понимание укорененности архитектуры. Пользуясь аграрной метафорой, архитектура с этого времени может быть «пересажена» и укоренена там, где на то есть властная воля и экономические ресурсы.

Утрачивая эндемичность, архитектура приобретает мобильность и потенциал экспансии, она «перекатывается» через европейское «культурное поле», неся свои семена на новые территории, укореняясь в новых землях, претерпевая неизбежные мутации и продолжая множиться. Следует ли считать это одним из стратегических векторов прогресса архитектуры? Или же это скорее симптом ее распада и деградации? Вопрос открытый. Возможно, стоит глубже почувствовать разницу между бесполезным круглым кустиком перекати-поля, гонимым сквозь пространство со скромным багажом своих семян, и ядовитым борщевиком, искушающим человека плотоядным видом своих стеблей и неумолимо наступающим всей своей корневой мощью на новые земли. Быть может, сегодня бегущий по трассе фургон способен поведать о смысле укорененности архитектуры гораздо больше, чем впившийся фундаментом в землю «офисник» или торгово-развлекательный центр.

3. Мицелий

Есть еще один биологический образ корневой системы, приходящий на память, когда начинаешь размышлять о современном отношении укорененного и бескорне-

вого в архитектуре. Мицелий – это, говоря упрощенно, корневая сеть грибов, их вегетативное тело или попросту грибница. Особенность мицелия – огромная его разветвленность. Мицелий может распространяться на гигантскую площадь, снабжая плодовые тела (то есть собственно то, что мы называем грибами) всем необходимым. Разветвляясь по поверхности почвы иногда на целые квадратные километры, такая корневая система обеспечивает диверсификацию как собственно мест роста плодовых тел, так и ресурсов, необходимых для их созревания. Проецируя эту модель укорененности на современную архитектуру, можно понять, что в наше время горизонтальные корневые связи определяют ее развитие, возможно, в большей степени, чем традиционные вертикальные.

В мире, где затянувшая поверхность планеты паутина интернета, разнообразных глобальных мобильных коммуникаций и скоростного транспортного сообщения полностью изменила культурную и социальную топографию, архитектура (точнее, ее конкретные тектонические, пластические и стилистические формы) уже не может оставаться явлением исключительно эндемическим. На наших глазах архитектура совершает все более ускоряющийся дрейф из локальных географических контекстов в глобальное информационное пространство. Сегодня информационное и медийное присутствие архитектуры в мире значит для нее не меньше, чем ее присутствие в конкретном городе на конкретной улице или площади. Соответственно, изменяется информационное, культурное, идеологическое, экономическое и всякое прочее ресурсоснабжение не только вновь возводимой, но и уже давно возведенной, исторической архитектуры. Изменяется бытование образа архитектуры как в массовом, так и в индивидуальном сознании.

Сформировавшийся к нашим дням архитектурный «мицелий» простирается столь глобально, что способен, казалось бы, «питать» возникающие на нем «плодовые тела» зданий и сооружений (или даже лишь проекты таковых) не меньше, чем уходящие вглубь локальной почвы и истории корни традиции и места. Грибной мицелий дает образец системы, в которой информационное возбуждение происходит одновременно повсюду, подобно электрическому возбуждению в находящемся под напряжением проводе. Это чрезвычайно похоже на устройство глобальной сети интернет. Планетарный мицелий интернета обеспечивает неуязвимость сети за счет диверсификации коммуникаций и хранения данных, за счет информационных «зеркал», дублирования серверов и многого другого. Соответственно, принятие решений и перераспределение ресурсов в сети соотнобразуются с целями ее благополучного существования и развития. «Грибной интернет» тоже вполне успешно следует целям сохранения и воспроизводства целого. В случае же архитектуры образ мицелия пока лишь указывает на возможную роль и потенциал горизонтальных связей. В реальности архитектура сегодня не в состоянии предъявить глобальные цели и смыслы, ради достижения которых ей может быть полезен ресурс глобальной же корневой системы.

Впрочем, локальные цели и смыслы она при этом тоже уже подрастеряла. И именно эта грань между утратой прежних смыслов и бессилием обрести новые определяет сегодня драматизм ситуации в отношении укорененного и бескорневого в архитектуре. Современность, как кажется, дает архитектуре равные шансы – либо осмыслить себя в качестве любовно и осознанно выращиваемого сада культуры, либо плодиться агрессивным и бессмысленным сорняком на пустырях цивилизации. И выбор отнюдь не очевиден.

< Ассизи. Следы естественного исторического роста. Более поздняя архитектура вырастает на теле более ранней

Губбио. Старый город как единое растущее тело